

После многолетнего отсутствия в Москву приехал композитор Александр Журбин – звезда советской популярной музыки. Накануне его 50-летия с Журбиным встретилась корреспондент «МН» Дина Кирнарская.

Александр Журбин.

ЕВГЕНИЙ КОНЦАКОВ

Всегда открыт для удачи

Моск. новости - 1993 - 6-13 авт. - 422

го не заказывает? Но тем не менее я написал хоровое произведение на стихи Бродского на русском и английском языках одновременно, это как бы две стороны души Бродского. Это сочинение исполнялось в России на фестивале «Альтернатива», называлось «Часть речи». В декабре состоится концерт из моих произведений в Карнеги-холле, где будет исполняться исключительно моя серьезная музыка, не эстрадная и не развлекательная.

Кроме того, у меня в Америке есть театр, которым я очень горжусь. Это «Блуждающие звезды», у нас идет спектакль «Молдавanka» по Бабелю, где Елена Соловей играет одну из главных ролей. «Бедную Лизу» по Карамзину поставил Марк Розовский. Мы играем еврейские, русские, французские вещи, собираемся ставить Набокова, Чехова...

В перспективе мы работаем над созданием Русского центра в Нью-Йорке, которого, как ни странно, там нет. Есть греческий, польский, украинский центр, китайских десять, итальянских двадцать, а русского нет. В этом центре, в пятиэтажном доме в центре Манхэттена, будет ресторан, бар на первом этаже, как положено... На втором – театральный зал, где можно устраивать концерты, показывать кино. Следующее – вы-

ставки, бизнес-встречи. Это очень интересный проект, который может дать большие доходы, если правильно организовать дело.

– Известно, что вся система в американской популярной музыке прекрасно отлажена. Как она работает?

– Работает очень плохо, в том смысле, что меня туда никто не пускает. Есть толстенный справочник «Who is Who in Popular Music». Вы можете найти Майкла Джексона, пожалуйста. Но это будет телефон его двадцать пятого агента, которого он, может быть, и сам никогда в жизни не видел.

Набираю номер. Спрашивают: «Вы откуда?» Я говорю: «Из России». Интересы никакого: из России это все равно что из Камбоджи. «Что вы хотите?» – «Вот я написал песню и я хочу, чтобы Майкл Джексон ее спел». – «Пришлите кассету». Через пару месяцев вам придет вежливый ответ, который я уже знаю наизусть: «Уважаемый господин Журбин! Большое спасибо за Ваш интерес к творчеству Майкла Джексона. Он с большим интересом прослушал вашу кассету, но, к сожалению, сейчас у него другие планы. Желаем Вам успехов. С большим приветом, мистер Джонсон».

Однажды мне приятель-американец сказал: «Они же твои кассеты даже не слушают». – «Ну как не слушают, неужели они та-

кие хамы?» – «А ты сделай эксперимент». И я сделал: послал им кассету, которую незаметно, клейкой ленточкой, в одном месте запечатал, и ее нельзя было открыть, не сняв эту ленту. Через месяц получаю ответ: «Уважаемый господин Журбин...» и т.д. И вижу, что ленточка на том же месте.

Поэтому я к своей карьере в Америке отношусь спокойно. Я знаю, что я не стану знаменитым кинокомпозитором, не напишу знаменитого бродвейского мюзикла, с другой же стороны, я открыт для удачи. Возможно, играя на частной вечеринке, вдруг заинтересовать кого-то. Он к тебе подойдет и скажет: «Вы мне понравились, вот вам моя визитная карточка, позвоните». И пару раз так уже было, я общался с Робертом Олтманом, Милошем Форманом. Но пока не произошло чуда, никто из них не сказал: «Напиши музыку к моему фильму».

Ровно двадцать лет назад, в июле 1975 года, удача пришла ко мне в виде оперы «Орфей и Эвридика». После премьеры этой оперы обо мне написали все газеты, не только русские, но и западные. Это была первая русская зонг-опера. Она действительно была первой, и что бы ни говорили про «Хоакину Мурыету» или «Юнону и Авось», моя рок-опера «Орфей и Эвридика» – это была сенсация, хит, поэтому я верю, что такое может быть еще раз.

– Как бы вы определили свой музыкальный стиль?

– Я определяю свой стиль как открытый. Я не закрыт ни для какой музыкальной системы, начиная от самых авангардных вплоть до джаза, рока, самой популярной музыки. Идеалом для меня являются Шнитке и, пожалуй, Леонард Бернстайн, композитор, который сумел написать «Вестсайдскую историю» и в то же время серьезные симфонические опусы. И наш Альфред Гарриевич умеет писать музыку одновременно и доступную, и сложную. Это для меня идеал, я вовсе не пытаюсь пристроиться в этот великий ряд, но все же стараюсь ни в чем себе не отказывать. Если мне хочется в середине симфонии вставить веселый чарльстон, я это делаю.

Сейчас я работаю над своей Третьей симфонией, премьера которой состоится в декабре в Карнеги-холле. Время музыкального авангарда прошло, сейчас никто не хочет слушать ни Булеза, ни Штокхаузена, ни даже Шёнберга, хотя он звучит как классика. Уж очень это утомительно. Публика любит слушать что-то мелодичное, приятное. Я же хочу писать музыку сложную, но не отталкивающую, чтобы она вызывала у людей нормальные человеческие эмоции.

– Я житель Америки с девяностого года. Почему я уехал и правильно ли сделал... На оба эти вопроса нет определенного ответа, а есть размытый. Я был известным композитором, писал музыку к фильмам, мюзиклы, камерную музыку. Но почувствовал, что наступил некий предел, некое насыщение.

Думаю, что момент для отъезда был выбран правильно. Именно тогда, в конце восьмидесятых – начале девяностых, здесь начался процесс разложения того очаровательного тонкого слоя – поэтов, музыкантов, художников, ученых, который называют российской интеллигенцией. Этот слой и сейчас остался, но все как будто распалось, какая-то кислота все съела. Люди опали, пожухли и никому не нужны.

– Каким видится сегодняшнее российское искусство («с другого берега»)?

– Все, что до меня доходит, доходит фрагментарно, отрывочно. По сути, я не могу в полной мере судить о России. Но все же я слышал какие-то песни, какою-то музыку и должен с сожалением отметить, что уровень упал даже по сравнению с теми временами, когда я здесь жил. В России делались хорошие фильмы, в России писалась замечательная музыка, и в развлекательной сфере тоже. Сейчас это все на девяносто процентов слепое и плохое подражание Западу. Если на Западе есть рэп, то здесь тоже есть рэп, но какой-то убогий, если на Западе есть хип-хоп, то здесь он тоже есть, но какой-то грязный. То есть то, что в Америке пользуют малокультурные люди, в России считается шиком для богатого банкира. И это меня очень смущает. В Америке богатые люди слушают Моцарта, идут в оперу или в Карнеги-холл. А здесь богачи идут послушать каких-нибудь чудовищных разгильдяев из Люберец.

– Как вы тамживаете?

– Ну как... Я, когда жил в России, ориентировался на Эндрю Ллойда Уэббера или на Бернштейна, думал: «Если они могут, может, я тоже, хоть в пять раз меньше, но смогу». Оказалось, нет, ничего подобного. Таких, как Уэббер или Бернштейн, на весь мир пять человек. Бернштейн в основном зарабатывал дирижированием, а не сочинением музыки. Пришлось мне пойти работать. К счастью, мне удалось найти работу, что тоже не так просто. Я преподаю в колледже.

Что касается сочинения музыки, я, безусловно, продолжаю сочинять, хотя, конечно, заказов у меня мало. Почему кто-то должен заказывать музыку мне, когда там своих пять тысяч композиторов и им никто ниче-